

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Сергей ЖАДАН

КРАСНЫЙ ЭЛВИС

(социалистические веяния среди домохозяек)

Как похудеть без диеты

Каждая домохозяйка, включенная в социальную борьбу, должна помнить три вещи. Во-первых, самоорганизация. Самоорганизация домохозяек предусматривает, прежде всего, преодоление социальной изоляции как таковой. Вот домохозяйка выходит из дому, она думает: ох, эта моя социальная изоляция, эта моя исключенность из борьбы, что я могу с этим сделать, я одинокая беременная домохозяйка, моя социальная изоляция доканывает меня, я просто становлюсь заложницей обстоятельств, так она думает – и делает первую ошибку. Главные враги домохозяйки – менеджеры, рекламные агенты и работники муниципалитета – караулят каждый ее шаг, они уже готовы перехватить ее, они контролируют ее социальную активность, думая: вот она, вот она, эта чертова домохозяйка с ее чертовой социальной изоляцией, что она себе думает, что она, сука, себе думает, она думает, мы за нее будем решать проблемы ее исключенности из борьбы, она думает на нас перебросить эту проблему? Она себе думает, что все менеджеры и рекламные агенты, все работники нашего, сука, муниципалитета сейчас кинутся решать ее социальные проблемы, да? Ну так она ошибается, – говорят менеджеры, – да, она глубоко ошибается, и вот почему.

И они останавливают ее и начинают говорить приблизительно вот что: мэм, говорят они, мы ознакомились с вашей проблемой, да, мэм, мы пробовали все варианты, но сорри, мэм, ничего из этого не выйдет: боимся, мы не сможем решить вашу проблему, именно так, мэм.

И тогда ты, беременная домохозяйка, говоришь себе: ну, я так и знала, я знала, что так все обернется, вся проблема в моей изоляции, в моей, блядь, невовлеченности в борьбу, в этом вся проблема, да, они правы, эти безумные работники муниципалитета, они безусловно правы, ну куда мне с моей изоляцией, с моим токсикозом, куда?

Но стоп. То, о чем тебе говорят, имеет и свою обратную сторону. Посмотри, видишь его? Это менеджер. Ему тридцать лет. У него – отсутствие перспектив в этом бизнесе и проблемы с самоидентификацией. Иначе говоря, он гей, понимаешь, он пидор, повтори, давай, повтори: пи-дор, молодец. Давай еще раз: кто это? Это менеджер. Правильно, но прежде всего кто он? Пи-дор. Громче! Пидор. Еще громче!!! Пидор! Это пидор! Это менеджер-пидор! Все менеджеры – пидоры! И все рекламные агенты – тоже пидоры! Пидоры и сукины дети, добавим от себя! Да, пидоры и сукины дети. Все менеджеры и рекламные агенты – пидоры и сукины дети! Я уже не говорю о работниках муниципалитета!

Молодец. Это и называется самоорганизация.

Во-вторых. Всякая уважающая себя домохозяйка должна помнить про солидарность. Солидарность. Повтори! Со-ли-дар-ность! Правильно, солидарность. Кто твой враг? Пидоры и сукины дети! Правильно, а еще работники муниципалитета. Кто твои друзья? Ты не знаешь? Ты не знаешь, кто твои друзья? Всякая уважающая себя домохозяйка солидарна с трудовыми коллективами колхозов, совхозов, экспериментальных хозяйств, а также с работниками тяжелой, угольной и

машиностроительной промышленности. Повтори! Машиностроительной. Да, машиностроительной. Всякая домохозяйка, активно вовлеченная в борьбу, чувствует братское плечо работников машиностроительной промышленности. И экспериментальных хозяйств. Да, правильно, – и экспериментальных хозяйств. Преодоление твоей социальной изоляции напрямую связано с солидарностью и с трудовыми коллективами экспериментальных хозяйств. Ты это понимаешь? Да. И они это понимают, эти сукины дети, они тоже прекрасно это понимают. Поэтому вся их деятельность направлена против тяжелой, а особенно – против машиностроительной промышленности. Менеджеры контролируют тебя, ты это ощущаешь? Ощущаю. Что ты ощущаешь? Менеджеры контролируют меня. Контролируют мои поступки, мои платежи, мои финансы, они контролируют мой секс. Какой у тебя секс? Ты – одинокая беременная домохозяйка! ОК, секс они не контролируют – они контролируют мои финансовые каналы, мои капиталовложения, мои налоги, мои коммунальные тарифы, мою социальную изолированность, мою вовлеченность в борьбу, мою солидарность со всеми работниками тяжелой и всеми работниками машиностроительной промышленности, они контролируют мои телефонные разговоры, мое питание, мое самоощущение, мое здоровье, мои транквилизаторы, мои сны, мои дневниковые записи, мою беременность. Правильно, они контролируют твою беременность. Кто контролирует твою беременность? Сукины дети. Правильно, кто они? Менеджеры. А еще? Рекламные агенты и работники муниципалитета. Именно так – муниципалитета. А для чего им моя беременность?

И последнее, третье. Всякая домохозяйка обязана помнить о правилах пожарной безопасности. Ничто не обходится так дорого, как пренебрежение правилами пожарной безопасности. Ежедневно в стране гибнет около семидесяти одиноких домохозяек, пренебрегших правилами пожарной безопасности. Это очень много. Причиной этого становится небрежность, невнимательность, а прежде всего – чрезмерная социальная изолированность домашних хозяек, их невовлеченность в борьбу, именно она обычно и приводит к фатальным последствиям. Прежде всего – газ. Газ – наиболее эффективный способ борьбы с твоей изолированностью. Система перекрывает тебе краны, стремясь полностью взять тебя под контроль, система держит одну руку на кране, а другой рукой, что она делает другой рукой – ты знаешь, что она делает другой рукой? Нет? А ты хочешь узнать об этом? Да. Точно хочешь? Да, я хочу. Скажи: я хочу знать, что система делает другой рукой, в то время как одной перекрывает мне кран. Я хочу знать, что система делает другой рукой, в то время как одной перекрывает мне кран. Слушай: система – это однурукий бандит! Это однурукий бандит, созданный для того, чтобы выкачивать из тебя бабки. Чтобы выкачивать бабки и контролировать каждый твой шаг. Это однурукий бандит, созданный для тотального прессинга. Одним словом – другой руки у него нет. Все, конец.

Как устроить незабываемую корпоративную вечеринку

И вот менеджеры собираются после тяжелого рабочего дня в баре, жирные, тяжелые и малоподвижные менеджеры среднего звена, толкутся в баре, как тюлени, бьют ластами и издают резкие пронзительные звуки, перекикивают музыкальные автоматы, отираются возле караоке, мчатся, шлепая по полу своими ластами, в сортир. Хо-хо, говорят друг другу, как хорошо, что все мы здесь сегодня собрались, мы – менеджеры среднего звена, нам всегда есть о чем поговорить после напряженного рабочего дня, давайте, друзья, – говорят друг другу, – о чем поговорим сегодня? О регби или о бабах? В задницу регби, протестующе машет ластами часть менеджеров! Давайте о бабах! Да, да, оживляются остальные менеджеры, давайте, давайте. И даже те, кто отирается возле караоке, оживляются. И даже те, что отвалили в сортир, мчатся назад, стуча ластами по полу. – Ну что, говорим о бабах? – еще раз переспрашивает паптюлень. – Да-да, еще раз, дважды за короткое время, оживляются менеджеры. И тогда паптюлень говорит им так:

– Йо, – говорит он, – йо, друзья, что вы мне говорите, какие бабы? – говорит он, – о чем речь, я знаю о бабах все, и я могу вам рассказать. Потому что я знаю о бабах все. И знаете, почему я знаю о них все? Потому что я смотрю на бабу и уже знаю, чего она хочет, я всегда знаю, чего она хочет. Йо! И вот со мной случается такая история: захожу я в соседний бар – я всегда знаю, чего я хочу, вы ж меня знаете, – и я подхожу к бармену и так говорю ему: – Йо, парень,

мне как всегда, ладно? – Что – как всегда? – не понимает этот молокосос. – Ну, меня таким не примешь, я знаю, что почем в этой жизни. Я ему говорю, значит так, парень, мне, как всегда, мой любимый крутой двойной сандвич с ветчиной. – Вау, – взвывают в один голос менеджеры и в восхищении бьют ластами по полу. – Ага, – продолжает он, – именно так, йо, вы ж меня знаете, именно так. И тут этот ублюдок говорит мне: – Мужик, – говорит, – мужик, где это видано, чтобы в стриптиз-барах давали сандвичи с ветчиной? – Но я знаю, что к чему, меня так просто не собьешь. Я ему на это отвечаю: – Вижу, – говорю, – парень, что ты себе на уме, ну что ж, пускай, пускай. Думаешь, ты самый умный, думаешь взять меня вот так просто за яйца, думаешь, ты такой умник? И тут ко мне подходит баба... – Баба! – завывают менеджеры и нервно потирают ластами. – Ага, баба! – торжествуя говорит папа, да-да, друзья, баба. Ну, вы меня знаете, я таких не пропускаю. Что, киска, говорю, что ты делаешь в этом свинарнике? – Вообще-то, – говорит она, – я тут работаю, но если хочешь, можешь угостить меня выпивкой. – Что ж, говорю, ясно, что тут за порядки, вижу, мне мой сандвич таки не принесут, но хорошо, детка, что ты будешь? – Пить буду, – говорит она, и если ты не последний debil, то заплатишь за мою выпивку. – Ну, мне дважды повторять не надо, я говорю бармену: – Парень, говорю, черт возьми, сделай все как хочет моя девочка, ОК? – ОК, – говорит этот ублюдок, ОК, – и обращается к ней: – Тебе что, – говорит, – Маня, опять водяры? – Водяры, – захлебываются от восторга менеджеры. – Ага – водяры. – Именно так. И вот я смотрю, как этот ублюдок крутится около моей девочки, и говорю, что, детка, было бы неплохо пересесть. И вот мы пересаживаемся, и она мне говорит: – Ты, – говорит она, – я вижу, добрый папочка, – ага, – говорю, – йо, ты меня еще не знаешь, и тогда она касается моего ласта. – О!о!о! – заводятся менеджеры. – Да-да – касается моего ласта, и ее рука движется все ниже и ниже. – Ниже! Ниже! – скандируют менеджеры. – Да – все ниже и ниже, и когда уже ниже просто некуда. – Некуда? – захлебываются менеджеры, – да, когда ниже уже некуда, она вдруг поднимает голову и произносит: – Слушай, произносит она, – у тебя что, вообще никогда не стоит? – А!а!а! – отчаянно и восхищенно стонут менеджеры. – И вот это – моя история о бабах, друзья! – торжественно выкрикивает папа-тюлень. И тут уже все менеджеры среднего звена срываются со своих мест и кидаются кто к бару за новой выпивкой, кто к караоке бить ластами. А кто-то просто бежит в сортир, не в силах выдержать этого бесконечного и всеобъемлющего кайфа, и начинает насыпать прямо на умывальнике бесконечные белоснежные дороги, и движется этими дорогами, втягивая в себя магические кристаллы напряженного рабочего дня. И последним вбегает совсем юный менеджер, сын полка среднего звена, и он тоже хлопает своими ручками, своими ластами-недоростками, и кричит: – И мне, друзья-менеджеры, и мне, мне тоже дайте. Но ему говорят: – Пошел в задницу, чувак, на сегодня все, все дороги закрыты. – Нет! – кричит он, – нет! как же это, я ж тоже слушал эту историю о бабах, меня сейчас просто разорвет, дайте хоть что-то. И тогда старый мудрый тюлень высыпает что-то из своего кармана и говорит: – Давай, сынок, попробуй вот это, оно тебя вставит. – Что это? – пугается сын полка. – Порошок, – говорит тюлень. – Какой порошок? – переспрашивает сын полка. – Стиральный. Давай, сынок, это твой первый стиральный порошок. Сейчас тебя порвет. Сын полка подходит к умывальнику и думает: сейчас меня порвет. И менеджеры смотрят на него, прикрывшись ластами, и думают: о, сейчас его порвет, его порвет. И старый мудрый тюлень-пидарас подталкивает его к умывальнику и нежно шепчет, давай, бэби, давай, сейчас тебя порвет. И он наклоняется над умывальником и резко втягивает в себя все, что видит.

И тут его рвет.

И вот домохозяйка приходит в отдел социальной помощи и думает: ох, – думает, – я одинокая беременная домохозяйка, на что я могу рассчитывать? Ясное дело, мне никто не поможет, я не получу никакой социальной помощи. Кто бы мне ее оказал – эту социальную помощь? Все двери для меня закрыты, и каждый клерк думает лишь, как меня урыть. И тут она видит его. Ох, – думает, – ну да, конечно, разве что этот симпатичный молодой клерк сможет мне помочь. Видно, что система еще не выдавила из него остатки человечности, похоже, в нем еще осталось что-то живое. Может быть, у него тоже есть мама, может быть, она тоже была беременной, ну, ясно – она наверняка когда-то была беременной, этим вот недоноском, к нему я и пойду. И она подходит к нему и говорит: – Ох, сынок, тебя мне сам бог послал. – Кто послал? – не понимает клерк. – Да-да, сынок, я-то знаю, именно ты мне и нужен. Ведь у тебя тоже есть мама. – Мама? – не понимает клерк. – Ну да, хорошо, – говорит домохозяйка, – я тебе как родному скажу: я до-

мохозяйка, одинокая беременная домохозяйка, понимаешь, сынок, и я притащилась сюда не просто так, а за своей социальной помощью, и если ты, недоносок, тут сидишь, то, видимо, тебе и отвечать за социальную помощь одиноким беременным домохозяйкам. А он ей на это и говорит: – Значит так, мэм, все понятно, давайте будем решать вашу проблему. – Вот, сынок, – говорит она, – тебя мне точно сам бог послал. – Мэм, – отвечает он на это, – никто меня никуда не слал, давайте так, мэм, давайте договоримся сразу: никто меня никуда не слал. Ладно? – Ладно, – говорит она недовольно. Так что там с моей социальной помощью? – Значит так, – говорит клерк, – с помощью. Давайте будем решать вашу проблему. – Давайте, – соглашается она. – Давайте, – говорит он. – Ну давайте, – не возражает она. – Значит так, – говорит он, – значит вы – одинокая беременная домохозяйка. – Одинокая, сынок, – отвечает она. – И вы пришли в наш отдел? – продолжает он. – Пришла, сынок, – отвечает она. – И вам нужна социальная помощь? – уточняет он на всякий случай. – Ес, сынок, ес, – поддакивает она, – социальная помощь. – А мы не дадим вам социальной помощи, – говорит он и выходит из кабинета. – Фак! – говорит она и выходит за ним.

И вот он нервно заходит в сортир. Сука, думает, вот сука, одинокая беременная сука, как же она меня достала, как же они все меня достали своей социальной помощью, просто достали, все эти одинокие беременные домохозяйки. У меня тоже была мама, и она тоже, очевидно, была беременной, ну ясно, что была, раз я сейчас тут сижу с рулоном в руке, ясно, что была беременна, и что – она ходила просила социальной помощи? Да, ходила! И что – ей кто-то дал? Да – дали! И нечего меня теперь доставать своей помощью, тоже мне беременная, – говорит он и начинает мыть руки, – беременная, как будто бы она собирается родить Элвиса Пресли. Сука, где мыло? – он осматривает комнату, – я хотя бы руки помыть могу, сука? Где мыло? Или хотя бы стиральный порошок. И он вдруг вспоминает вчерашний порошок.

И тут его снова рвет.

Как сберечь семейный уют

Каждая домохозяйка хочет стать мамой Элвиса. Социальный статус мамы Элвиса сам по себе дает значительные преимущества. В первую очередь – проблема социальной адаптации. Система пасует перед мамой Элвиса. Домохозяйка приходит в свой кредитный банк и говорит: – ОК, – говорит она, – я мама Элвиса, где я могу увидеть руководителя департамента по связям с общественностью? Значит так, сынок, – говорит она начальнику департамента, слушай меня внимательно: я старая одинокая домохозяйка, может, что-то в своей жизни я сделала не так, может, я не слишком вовлечена в борьбу, но, черт возьми, сынок, мой Элвис, мой малыш, – он знает, что делает, и вот что я вам скажу: такой срани, как в вашем кредитном банке, я давно не видела. А я в своей жизни – до рождения Элвиса, ясное дело, – видела столько срани, что ты себе представить не можешь. И с этими словами она оставляет начальника департамента один на один с проблемами самоидентификации. Мама Элвиса приходит на биржу и говорит: – Ох, – говорит, – и тут то же самое, и тут та же самая срань. Послушайте, – кричит она брокерам и маклерам, – вы – сукины дети, я – мама Элвиса, и чтоб я сдохла, если я видела где-нибудь таких лузеров, таких мудозвонов, как вы! – Что вы, мэм, – пытаются спасти ситуацию маклеры, – мы вполне нормальные чуваки, мы знаем вашего Элвиса, что за проблема, мэм? – Проблема в том, – говорит им мама Элвиса, – что вы мудозвоны, и черт меня возьми, если я сейчас говорю неправду. Просто хотела вам это сказать: вы – мудозвоны, ничего личного.

Элвис приходит для того, чтобы решить проблему с твоей страховкой. Элвис говорит тебе: – Капитализм неспособен отобрать у нас главное – наше чувство самоорганизации. И солидарности. Моя мама, – говорит Элвис, – простая одинокая домохозяйка, научила меня главному: система всегда держит руку на кране! Система всегда контролирует уровень газа в твоем трубопроводе. В то время как ты борешься за свое выживание, она перекрывает клапаны. В то время как ты пытаешься сделать что-то со своей страховкой, она регулирует силу натяжения. В то самое время, как ты занимаешься самоорганизацией, система держит свою руку на чертовом кране. И когда она держит одну руку на кране, знаете, что она делает другой рукой? Нет? А вы хотите это знать? – Да. – Наверняка хотите? – Да, мы хотим. – Скажите: мы хотим знать, что система

делает другой рукой, в то время как другой перекрывает нам кран! – Мы хотим знать, что система делает другой рукой, в то время как другой перекрывает нам кран! – Другой рукой она дрожит!

Мама Элвиса приходит домой, находит посреди комнаты кучу пустых банок из-под пива, находит в ванной самого Элвиса, спящего в теплой воде, находит его кошелек, его ковбойские сапоги, его засранную экологически чистую одежду, всю в крови и кишках молодых менеджеров и рекламных агентов. – Ох, Элвис, – говорит она, – мой беззаботный малыш, мой отчаянный Элвис в белой одежде и армейском нижнем белье, мой любимец, солнце моей жизни, что ж ты так нахуячился, Элвис, что ж ты так набрался, что спишь теперь прямо в ванне, прямо в своем армейском нижнем белье. Ох, Элвис, говорит она, – система борется с нами всеми возможными способами, система знает наши слабые места. Все правильно, Элвис, система – это настоящий однорукий бандит, и пока одну руку она держит на кране, другой рукой она дрожит. Причем дрожит она, Элвис, тебе.

Как отказать рекламному агенту

Агент приходит домой к домохозяйке и думает: сучка, – думает он, сучка, вот она сидит себе дома, закрылась, думает кинуть меня, как же, думает, этот агент, сейчас я его кину, сейчас он у меня выгребет, я хорошо приготовилась, сейчас я его обязательно кину. Только зайду к ней, сразу начнет меня кидать, начнет говорить о социальных службах, о страховке, о мужчинах, начнет грузить меня своими мужчинами, она думает, если я рекламный агент, значит мне можно рассказывать о своих мужчинах, я знаю этих сучек, я знаю, о чем она будет говорить, о своих мужчинах или о порошке, да-да, точно, о порошке, они все думают о порошке, о стиральном порошке, стиральный порошок – этот кокаин домохозяйек, крысиный яд для их мужчин. Она думает, меня легко кинуть, ей насрать, что я уже подвязал с наркотой, что я уже три месяца как чистый. Эй, сучке, на это насрать, сейчас начнет меня грузить своим порошком, своими мужчинами, начнет говорить мне о социальных службах, а то, что я три месяца чистый, – ей насрать, ясно: это вам не стиральный порошок и не социальные службы. Какие уж тут социальные службы, три месяца, ты понимаешь, три месяца, что ты мне втираешь о своем порошке, думаешь только, как меня кинуть. Ага, давай, я – сын пилота бомбардировщика, мой отец был пилотом бомбардировщика, чтоб ты знала, так что давай, что у тебя за адрес, курва, где мои очки, где мой кейс, где мои таблетки.

И когда он подходит к ее дверям, она думает: ох, – думает она, – хорошо, что сегодня нет этого ненормального рекламного агента. Какой ужас, – думает она, – прошлый раз он пытался продать мне огнетушители. Говорит, мэм, такие огнетушители, просто чудо, а не огнетушители, берите сразу три – нет, лучше четыре. – Нет, – говорю я, – для чего мне огнетушители. – Два, – насаждает он, – берите хотя бы два, мэм. – Не нужны мне огнетушители, – говорю, – я доверяю социальным службам. – Вот, – говорит он, – ага, – говорит, значит, социальным службам? Я, – говорит он, – уже третий месяц на этой работе, и не несите этой чепухи о социальных службах. Мой отец, – говорит, – пилот бомбардировщика, и он всегда брал с собой пару огнетушителей. – Пару? – не поверила я. – Да, – говорит, – пару, два, всегда брал с собой на боевые вылеты два огнетушителя. – Господи, – говорю, зачем же ему два? Второй, – говорит он, – для противопожарной безопасности. И что теперь?

И вот он звонит в дверь и говорит: – Йо, мэм, – говорит он, – хорошо, что я вас застал: на улице, знаете, такое творится, третий месяц такое творится, я даже не знаю, что думать, хорошо выглядите. – Сынок, – говорит она ему на это, – я плохо выгляжу, у меня токсикоз. – Поздравляю вас, – говорит он, – поздравляю, и по этому случаю предлагаю вам купить нашу новинку. Я знаю, вы перестали доверять нормальному качеству, все норвят кинуть нас – людей, которые заботятся о вашем благополучии, все перестраховываются и доверяют только этим чертовым социальным службам и думают только про свой гребанный порошок, про этот порошок. Я вам так скажу, мэм, этот порошок, чертов гребанный порошок, его уже девать некуда, ну что вы с ним будете делать – не огнетушители же вы им заряжать будете, стиральным порошком, а, мэм?

Но она ему на это говорит: – Послушай, – говорит, – я одинокая беременная домохозяйка, у меня все есть, я купила себе огнетушитель – вот он, красный, в уголке, – видишь. Давай, сынок, иди себе с богом, мне не нужна ваша новинка, знаю я ваши новинки: снова либо тостеры перегоревшие, либо массажеры какие-нибудь. Мне не нужны массажеры, у меня все есть, плюс у меня токсикоз, поэтому видеть тебя, сынок, мне сейчас просто неприятно, что тут скажешь?

А он ей на это отвечает: – О'кей, мэм, понятно, все ясно, мэм, тостеры вам не нужны, я понимаю, для чего беременной домохозяйке тостеры, правильно?

– Правильно, – говорит она.

– И зачем ей массажеры с токсикозом, правильно? – насеждает он.

– Да, сынок, да.

– А как насчет огнетушителей?

– В углу, красный.

– Вам бы лишь порошка побольше, правильно?

– Сынок, – нервничает она, – какого порошка, иди себе с богом.

– Йо, мэм, – продолжает он, – ну ясно какого: стирального порошка, вам же кроме него ничего не надо, правильно?

– Сынок, – просит она.

– И то, что я третий месяц уже чистый, вам просто ни к чему, правильно? Вам это просто неинтересно с вашим порошком, правда ж, мэм? То, что мой отец, пилот бомбардировщика, определял как кризис социальных коммуникаций – вам это просто неинтересно, правильно?

– Сынок, – спрашивает она, – а ты правда чистый?

– Мэм, – продолжает он, – послушайте, мэм, я знаю, что у вас в голове – порошок, этот чертов порошок, этот чертов гребаный порошок, стиральный порошок для вашей безразмерной стиральной машины, для этой коровы вашего хозяйства, большой рогатой скотины постиндустриального общества. Стиральная машина, которую вы кормите жертвенной кровью растерзанных кроликов, машина, которую вы обклеиваете порнооткрытками, которую вы описываете фашистскими лозунгами, – это она приходит ночью в вашу спальню и тревожно стонет над вами, это она уничтожает ваши запасы стирального порошка, это она выбрасывает из своего нутра остатки домашних животных и вашу растерзанную одежду. Ага, мэм, именно так, стиральная машина, этот электрический стул для мидл-класса, она убивает вас своей черной энергетикой, пробивает ваши чакры, вы знаете, мэм, что она делает, когда вы засыпаете? Спросите, спросите у меня, мэм, что она делает, когда вы засыпаете, мэм!

– Нет, – кричит она ему, – только не стиральная машина, не трогай ее, только не она!

– Йо, мэм, – насеждает он – как это не она? Именно она, кто ж еще. Для кого вы покупаете весь этот стиральный порошок?

– Только не стиральная машина, – плачет она.

– Коробки, большие картонные коробки с порошком внутри. Мешки порошка, целые мешки порошка, для кого вы их покупаете, скажите, мэм?

– Нет, – просит она, – нет!

– Ради светлой памяти моего отца, пилота бомбардировщика, скажите, мэм.

– О, только не это, – стонет она.

– Скажите, скажите мне, мэм, что вы с ним делаете, куда вы его деваете, весь этот чертов гребаный порошок?

– Но я не покупаю стирального порошка! – кричит она.

– Как не покупаете? – вдруг останавливается он.

– Не покупаю! – рыдает она. – И никогда не покупала! Никогда! Никакого стирального порошка!!!

– Тогда кто, кто покупает весь этот чертов гребаный порошок? Кто? Я?! Я, мэм, уже три месяца не покупаю себе порошка, потому что я чистый, три месяца чистый, и гореть вам в аду, мэм, вместе с вашей стиральной машиной, гореть вам в аду! – говорит он и выбегает на улицу.

– Нет! – кричит она ему вдогонку, – только не в аду!

– Именно в аду! – отвечает он.

– Только не в аду! – отчаянно кричит она ему.

– В аду! – отвечает он из ада.

Е-е, – думает он, – вот так мы работаем с постоянными клиентами, вот так мы поддерживаем корпорацию, пусть следующий раз знает, как разговаривать с нашими рекламными агентами, я

ее насквозь вижу, а как же, хотела меня кинуть, вишь, что выдумала, – порошок, говорит, стиральный порошок. Как будто я не знаю, что у нее на уме, а как же, а как же, корпорация мне платит за мою работу, я знаю все эти истории о страхах и социальной службе, третий месяц, третий месяц чистый, третий месяц, еще четыре – и конец реабилитационного курса, и я ебал...

Я знаю, – думает она, – я знаю, чего они от меня хотят. Они стоят под дверью ванной комнаты, когда я принимаю душ, стоят и слушают, как вода стекает по моему животу. Они приходят ремонтировать стиральную машину и вставляют в нее жучки и датчики. Они подслушивают ровный размеренный шум ее двигателя, они хотят остановить это бесстрашное сердце моей стиральной машины – вот чего они хотят. Когда мой сын вырастет и станет настоящим Элвисом, он будет носить белоснежную экологически чистую одежду, он вынет из моего сердца все законы, он сделает так, что розовые лепестки будут лежать в моих карманах, и вокруг не будет ничего – лишь белый-белый снег и белые-белые цветы, и еще этот белый-белый чертов гребаный порошок.

Как питаться в супермаркетах

И тогда директор фабрики, изготавливающей экологически чистые памперсы, говорит: – Ничего, она все равно не может отказаться от наших услуг. Наш бизнес построен таким образом, что ни одна сучья домохозяйка не сможет в конце концов обойтись без наших чертовых памперсов. Рано или поздно она придет за ними, придет в большие прозрачные супермаркеты, полные нашими памперсами – лучшими на рынке, рано или поздно она все равно за ними придет. И знаете, почему? – Почему? – спрашивает совет директоров.

– Потому что система всегда держит руку на кране. В то время как ты занимаешься своим одиночеством, она умело регулирует клапаны. В то время как ты пытаешься сделать что-то со своей беременностью, она повышает силу напряжения. В то самое время, как ты занимаешься домашним хозяйством, система держит свою руку на этом невидимом кране. И когда она держит одну руку на кране, знаете, что она делает другой рукой? Вы знаете, что она в это время делает другой рукой? – Нет, – отвечает совет директоров, – мы не знаем. – А вы хотите об этом узнать? – Да, – отвечает совет директоров, – мы хотим. – Вы точно хотите? – Да, – официально сообщает совет директоров, – мы точно хотим. – Скажите: мы хотим знать, что система делает другой рукой, в то время как одной перекрывает нам кран! – призывает их директор. – Мы хотим знать, – повторяет за ним совет директоров, – что система делает другой рукой, в то время как одной перекрывает нам кран. – Так что, как вы думаете? – спрашивает директор. – Дрочит? – несмело делает предположение совет директоров, – дрочит Элвису? – В это время, – говорит директор, – другой рукой она перекрывает другой кран. Потому что на самом деле кранов два – просто о другом кране мало кто знает. А на самом деле их два. И этот другой кран – наша с вами беззащитность. Пока система одним краном контролирует твою жизнь, другим краном она контролирует твою смерть. Именно поэтому мы настолько зависимы друг от друга. Именно поэтому так или иначе каждая беременная домохозяйка рано или поздно придет в супермаркет покупать наши чертовы памперсы. Потому что так или иначе мы зависимы от нее не меньше, чем она зависима от нас. И не понимать этого не может ни одна домохозяйка, какой бы одинокой и беременной она ни была.

После этого они получают новый транш.

Как убить всех

- Йо, сынок, давай, подымайся, самое время поговорить серьезно.
- Кто вы?
- Мы друзья, сынок, мы твои верные друзья, йо.
- Какие друзья?
- Верные друзья. Послушай, сынок, время думать о будущем. Ты думаешь о будущем?

- Да, думаю.
 - И что ты, сынок, о нем думаешь?
 - Я думаю о нем только хорошее.
 - Молодец, сынок, это ты хорошо придумал – думать о будущем только хорошее. И как ты думаешь, какие у тебя шансы?
 - Ну, я не знаю, нужно у мамы спросить.
 - Мама спит.
 - Да.
 - Так мы тебе скажем, сынок. Мы – твои друзья. Твоя мама, сынок, – одинокая беременная домохозяйка. Причем беременна она тобой. И время бы уже подумать о своем будущем. И тут приходим мы, е, твои верные друзья. Если ты имеешь дело с нами, мы берем на себя все затраты, понимаешь? Мы предлагаем тебе условия, каких тебе не предложит никто. Кем ты хочешь быть?
 - Домохозяйкой.
 - Сынок, как ты думаешь, какие у тебя шансы?
 - Ну, я не знаю.
 - Мы знаем. Давай так, сынок: домохозяйкой ты станешь в следующий раз. А мы тебя сделаем Элвисом. Хочешь стать Элвисом?
 - А вы можете сделать меня домохозяйкой?
 - Сынок, послушай нас: то, что мы предлагаем, должно тебя заинтересовать. Мы сделаем тебя настоящим Элвисом, настоящим Элвисом в белом костюме с бриллиантами. Ты будешь ходить в экологически чистой одежде, ты будешь носить армейское нижнее белье, ты вынешь все занозы из сердец наших матерей. Ну так что – по рукам?
 - Ладно, а как же мама?
 - Мама спит.
 - Давайте ее разбудим. Все вместе.
 - Думаем, не стоит. Твоя мама, сынок, не хочет видеть очевидных вещей. Она защищает тебя от твоих верных друзей, то есть от нас. Она прячет тебя в своем животе, будто вы кенгуру. Но ведь ты не кенгуру, правильно, ты Элвис.
 - Да, я не кенгуру.
 - Вот видишь. Твоя мама не понимает очевидных вещей: от нас все равно нельзя избавиться: рано или поздно она придет к нам, придет в наши офисы и супермаркеты, придет договариваться о твоём будущем, придет его устраивать, придет просить социальной помощи. Она не понимает, что независимо от того, хочет она того или нет, независимо от того, хотим ли этого мы, мы не можем друг без друга, мы в системе, сынок, это как в случае с тобой: вот мы нашли тебя, вот мы разговариваем с тобой, о чем-то говорим, и вся разница между нами лишь в том, с какой стороны маминого живота мы находимся.
 - А мама об этом знает?
 - Мама, сынок, знает обо всем.
 - Ладно. Сколько?
 - Вот, это другое дело. Десять.
 - Сколько?
 - Десять. Десять баксов.
 - Ладно, пять – сейчас, пять – после родов.
 - Довольно неоднозначная позиция, учитывая твоё положение.
 - У меня нормально положение, чуваки. Или так, или идите в жогу.
- И тут они о чем-то шепчутся.
- Ладно, сынок, ладно, вот пятерка, мы ее оставляем твоей маме, пусть заберет, когда проснется. Только смотри не подведи нас.
 - Все?
 - Все-все. Ты хороший сын своей мамы.
 - Увидимся в аду, ублюдки.

И плавая дальше в мамином домохозяйском животе, он думает себе так.

Ладно, думает он, это даже хорошо. Скоро я рожусь и начну расти. Когда я вырасту, у меня будет много верных друзей. Они мне помогут встать на ноги, они возьмут на себя все затраты и уладят все нюансы этого дела. Я стану настоящим Элвисом, настоящим красным Элвисом, у меня будет экологически чистый белый костюм с бриллиантами. И уж когда я стану настоящим красным Элвисом, я вытащу все занозы из сердец наших матерей, и прежде всего из сердца своей матери, и вокруг меня всегда будут крутиться менеджеры и рекламные агенты, работники муниципалитета и клерки, директора фабрик и владельцы баров. И все они будут меня любить и поддерживать, потому что я буду их Элвисом. И мама будет гордиться мной, даже несмотря на то, что мы редко будем видеться, и мои менеджеры и рекламные агенты не будут ее ко мне пускать. Она все равно будет мной гордиться, она будет разглядывать издали мой костюм и будет говорить: – Ох, Элвис, – будет говорить она, – мой беззаботный малыш, мой отчаянный Элвис, мой любимец, солнце моей жизни, система борется с каждым из нас, система знает наши слабые места, все верно, Элвис, но есть один момент: с каждым из нас система борется по-своему, и когда одним она перекрывает кран, тебе, мой Элвис, она дрочит. Причем дрочит обеими руками.

И тогда я позову всех своих менеджеров и рекламных агентов, всех работников муниципалитета и клерков, всех знакомых директоров фабрик и владельцев баров и соберу их всех на незабываемую корпоративную вечеринку.

А потом я их всех убью.

Перевод с украинского Евгении Чуприной